

ГЛАВА 1

БАТОР

Наталья и Олег... Наталья и Олег...

Я повторял эти имена про себя весь день разными интонациями. Пытался их почувствовать. При слове «Наталья» представлял что-то мягкое, тягучее, сладкое — похожее на мед. При имени «Олег» — нечто звонкое, негибаемое, как сталь.

Наталья и Олег...

Я воображал разные ситуации, когда мне придется произносить эти имена.

«Как зовут твоих родителей?»

«Наталья и Олег!»

Это будет мой пароль в социальных сетях.

Это будет секретным словом к моим банковским картам. Конечно, когда я вырасту и у меня появятся банковские карты, как у воспиталок. По телефону они говорят «секретное слово» — свое имя. Когда вырасту, моим секретным словом станут имена родителей.

В общем, много всего воображал.

Потому что верил: теперь меня заберут отсюда. Наталья и Олег — мои супергерои, они даже пришли сюда в плащах, потому что утром шел дождь. Мы болтали целых десять минут. Они спросили, почему я не играю с другими, а я ответил: «Просто». Они сказали, что их зовут Наталья

и Олег, а потом спрашивали меня о делах, увлечениях и любимых сладостях. Я сказал, что у меня все хорошо, я люблю играть в игры на телефоне, особенно в «Змейку», и люблю «Сникерсы». Они сказали: «Какой славный мальчик». Потом ушли, пообещав прийти завтра.

Я точно знал, что они меня заберут. Когда к тебе вот так взрослые подходят, чтобы поболтать, — это значит, что они хотят тебя усыновить. Ко мне и раньше подходили, но никогда не говорили: «Какой славный мальчик». Они меня заберут.

На следующий день они, как и обещали, пришли снова. Они заметили меня, едва зайдя за ворота, — я сидел на детской площадке, на качелях, и ждал их. Я был в полной готовности — заранее продумывал, о чем они спросят, и мысленно репетировал свои ответы.

«Куда ты хочешь поставить свою кровать?»

«К окну!»

«А что ты любишь на завтрак?»

«Хлеб с маслом, посыпанным сахаром, но, главное, не кашу».

Они подошли ко мне, сказали:

— Привет, славный мальчик!

Я улыбнулся: они помнят. Наталья вытащила из кармана своего бежевого плаща «Сникерс», протянула мне. Я взял.

— Спасибо.

— Нам нужно поговорить со взрослыми, хорошо? Не скучай! — Наталья потрепала меня по волосам.

Потом они ушли, скрылись за дверями батора. Я не скучал. Я знал, что они поговорят с воспитательницами о том, чтобы забрать меня навсегда.

В ожидании я снова начал смаковать их имена: «Наталья и Олег...»

Их долго не было. Я никуда не уходил. Начался дождь, но я только повыше застегнул ветровку и продолжил ждать. Подошли старшие — Цапа и Баха, — сказали:

— Мы видели, как тебе та бабень «Сникерс» дала. Поделишься? — Цапа язвительно усмехнулся на последнем слове.

— Она не бабень, — только и ответил я, отдавая им шоколадку.

Они заржали, но отошли, поделив «Сникерс» между собой.

Наталья и Олег вышли из б́атора спустя два часа. Я встал с качелей, уверенный, что они и сами меня подзовут, что стоит им подать сигнал, и я побегу за ними — в их машину, в их квартиру на десятом этаже, в свою светлую комнату, к своей кровати у окна... Так, по крайней мере, я все представлял.

Но они лишь кинули на меня какой-то неловкий взгляд. И не позвали за собой.

Они не забрали меня в тот день. Не забрали и на следующий. И через неделю. Они приходили, но больше не разговаривали со мной, а первым завести беседу я стеснялся.

Через месяц куда-то исчез Владик — пацан с кроличьими зубами. Я слышал, что Наталья и Олег усыновили его. Больше они не приходили никогда.

Я плакал тогда, но не сильно. Нянечка мыла вокруг моей кровати пол, шуршала шваброй и приговаривала:

— Ну ладно тебе, ладно, не реви. Ты тут вообще ни при чем. Небось хотели здорового ребенка.

Я настойчиво прогундел сквозь слезы:

— Я здоров!

Нянечка посмеялась.

* * *

Владик с кроличьими зубами всегда навязывался взрослым. Ему было все равно к каким — кто бы ни приехал, к любой женщине он подходил, заглядывал в глаза и спрашивал жалостливо:

— Вы моя мама?

Взгляд у него тоже был как у кролика — огромные голубые глаза, почти мультяшные. Я понял, что именно эта стратегия в конце концов и вытащила его на волю. Но, несмотря на то что Владик был похож на зайца, зайцем он не был. Он был шестеркой. А зайцем был я.

Владик любил бегать вокруг взрослых и вынюхивать. Выслеживал, кому что дарят, кому лишний раз дали шоколадку, кому привезли родственники шмоток, — и все докладывал Цапе и Бахе. Они были главными. Потом все вещи и сладости, о которых доложили, вытряхивали с зайцев типа меня. Наверное, про мой «Сникерс» тоже Владик рассказал.

Но Владик такой был не один — их большинство. Обычно они крутятся вокруг усыновителей, волонтеров и спонсоров, они с ними разговаривают, они им улыбаются — они вынюхивают. Быть шестеркой в баторе легче всего, потому что их почти никогда не трогают. Их чаще, чем других, забирают в семьи, потому что они всегда на виду и первыми бросаются в глаза взрослым.

Я не умел вынюхивать и докладывать, но я хотел, чтобы меня забрали. Поэтому в следующий раз, когда заметил на территории батора семейную пару, выскочил перед ними и закричал:

— Вы мои родители?!

Получилось не так, как планировал, — слишком агрессивно. Умилительная интонация мне не давалась.

Я не был милым. Смутившись, они мягко отодвинули меня в сторону и пошли дальше. Я понял: это не мои родители.

Тогда я решил сидеть у забора. Уселся в траву, просунул лицо между железными прутьями и у каждой мимо проходящей женщины спрашивал:

— Вы моя мама?

Некоторые пугались, взвизгивали и отскакивали, потому что мое лицо было на уровне их ног и они меня не сразу замечали. А когда замечали, говорили: «О господи!» — и шли дальше по своим делам.

Только одна женщина остановилась. Она была не одна — с мужчиной. Еще издалека мы встретились взглядами — я тогда сразу понял, что мы заговорим.

Она присела передо мной и первой спросила:

— Ты чего тут?

Я пожал плечами:

— Маму жду. Вы моя мама?

Она, кажется, смутилась:

— Нет...

Мужчина, с которым она шла, стоял немного дальше — за ее спиной — и рассматривал меня с веселым интересом.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Оливер.

— Оливер? — удивленно переспросила женщина. — Как необычно!

— В честь Оливера Твиста, — пояснил я, обрадованный тем, что ей понравилось мое имя.

— А я Вера, — сказала девушка. Она указала на мужчину: — Это Кирилл, мой муж.

Они стали спрашивать, чем я занимаюсь в баторе и что люблю делать. Я опять сказал, что люблю играть в игры

на телефоне. Вера сказала, что Кирилл как раз разрабатывает игры для мобильных. А я ответил:

— Моя любимая игра — «Змейка».

Кирилл хотел мне что-то о ней рассказать, но я почувствовал, что у меня за спиной кто-то стоит; Вера и ее муж тоже подняли на кого-то взгляд, замолчав.

Я обернулся. Это была воспиталка. Она строго сказала, что нельзя разговаривать с детьми без согласования с администрацией.

Вера начала оправдываться:

— Да мы просто мимо шли, а мальчик спросил, не его ли я мама...

— Да он на голову больной, — скучающим тоном сказала воспиталка. — И не только на голову.

Вера засмузилась еще больше.

— Ой... — Посмотрела на меня.

— Я здоров, — негромко, но уперто произнес я.

Воспиталка спокойно объяснила:

— Просто у него СПИД и дебилность. Всего хорошего.

Она резко подняла меня за воротник, как за шкуру, и я больно ободрал щеку о железные прутья. Велела идти в сторону детской площадки, и я нехотя пошел, постоянно оглядываясь на Веру и Кирилла — они тоже отходили, растерянно поглядывая на меня. Воспиталке не нравилось, что я оборачиваюсь, и она толкала меня в спину, давая понять, чтобы я шевелился быстрее. И я шевелился.

Вера и Кирилл меня тоже не забрали.

* * *

Мне часто не хватало еды в баторе. Старшаки любили подойти и начать вылавливать своими ложками мясо из наших тарелок. У тех, кто пытался их остановить, суп оказывался

за шиворотом. Поэтому никто и не пытался. Только новенькие, не зная порядков, возникали, бывало, по первости.

Кроме мяса, отбирали хлеб, булочки, печенье и конфеты. Питались мы в основном макаронами и гречкой. Воспиталка сидела рядом, ела свою двойную порцию и не обращала на это никакого внимания.

Но однажды у меня было целых две недели сытой жизни. Повариха Галина Петровна начала после обеда подзывать меня к себе, уводила на кухню и там кормила еще раз — уже по-нормальному. Причитала, что я совсем худой и что она видела, как мне не дают нормально поесть. Я думал: странно, ведь никому из зайцев не дают, почему она кормит только меня? Но я молчал, боялся, что если скажу про остальных, то мне будет доставаться меньше еды.

Две недели она меня так подкармливала, а потом воспиталка сказала, что Галина Петровна хочет взять меня на гостевой. Я спросил:

— Почему именно меня?

А воспиталка ответила:

— Не задавай тупых вопросов.

Цапа и Баха подслушали наш разговор и потом подловили меня у спальни. Цапа прижал меня к стенке, держа за грудки, и вкрадчиво объяснил:

— В городе достанешь нам что-нибудь из техники и шмоток. Понятно?

Я кивнул. Они отпустили меня.

На самом деле мне меньше, чем другим, попадало. Это потому что всяких зубрил, очкариков и уродцев не трогали, никакую пользу с них поиметь было нельзя. Мне повезло — меня считали уродцем. Кроме того, очень опасным уродцем. Воспиталки говорили, что если меня избить до крови,

то можно заразиться. Один раз Цапа разбил мне нос, когда в столовой я отказался отдавать ему свой хлеб, а я вымазал в крови руки и побежал за ним, угрожая, что он умрет. Он тогда здорово верещал.

В общем, про Галину Петровну. В гостях у нее я провел три дня. Ей уже было за пятьдесят, жила она в однокомнатной квартире с котом, спала на диване, а я рядом на раскладушке. Первый день у нее прошел ничего, нормально. Она покормила меня, разрешила смотреть любые каналы на телике и играть в телефон сколько захочется.

А на следующий день сказала:

— Давай энергетически очистим твой организм.

Я нахмурился:

— Это как?

— Сходим к одной моей знакомой, она моему бывшему мужу вылечила рак, когда уже врачи руки опустили!

— Да я здоров...

— Вот и проверим это!

В баторе мне все говорили, что я болею, но я этого не чувствовал. Каждый день я принимал несколько таблеток, названия которых знал наизусть: «Диданозин», «Эмтрицитабин» и «Невирапин». Нянечки приносили мне их перед едой вместе со стаканом воды (но таблетки все равно застревали в горле). Они говорили, это нужно для того, чтобы моя кровь не была заразной, но, сколько бы я ни пил лекарств, заразным быть не переставал.

Я подумал, что Галина Петровна знает способ, как вылечиться раз и навсегда, поэтому согласился пойти к ее знакомой.

Жила она в соседнем доме на третьем этаже. Так сразу и не подумаешь, что экстрасенс, — бабушка как бабушка. Сто раз таких видел. Квартира у нее с виду тоже была обыч-

новенная: в зале цветастый ковер, телик-коробка, старый сервиз на полке полированного шкафа.

Зато во второй комнате уже поинтересней. Во-первых, вместо двери проем закрывала тяжелая блестящая фиолетовая штора. Ну а дальше — загадочный полумрак, свечи на невысоком столе, на полках светятся непонятные шары.

Мы с Галиной Петровной сели с одного конца стола, а бабушка-экстрасенс — с другого. Мы еще ничего не успели ей рассказать, как она сама со мной заговорила:

— Знаю, что тебе врут. Делают из тебя жертву фармкомпаний. Настоящие болезни имеют симптомы, ты знаешь об этом?

Я молчал — мне было непонятно, о чем она.

— Ты чувствуешь себя плохо?

— Нет.

— Значит, ты не болен. Тебе просто нужно пройти через очищение души и тела. Подойди ко мне.

В темноте, при горящих свечах, ее глаза светились как у ведьмы. Я не двинулся с места, но Галина Петровна подтолкнула меня. Я подумал, что должен делать, как она скажет, ведь она была добра ко мне.

Я обошел стол и встал перед ведьмой. Она подняла мою голову за подбородок и посмотрела мне в глаза.

— Сейчас я буду молиться, а ты крестись, понял?

— Я не умею... — одними губами ответил я.

Она, отпустив меня, показала, как это делается. А потом закрыла глаза и начала монотонно говорить:

— Господи,ними с него всякие болезни и хвори: головные, нутряные, ручные, ножные, костяные, кровяные. Пусти эти хвори на синее море...

Я не понимал, что она говорит, и не знал, в какие моменты нужно креститься, так что невпопад водил рукой

от плеч ко лбу и обратно. Она много-много раз повторяла эти слова по кругу, и в какой-то момент у меня начала болеть голова: мне стало казаться, что все это чушь, слова не связаны между собой и не имеют смысла.

Я перестал креститься, ведьма оборвала молитву и зло зыркнула на меня:

— Не прекращай!

— Я не хочу, — буркнул я.

— Что?!

— Я не хочу! — повторил я громче.

Чем сильнее я отказывался, тем настойчивей они с Галиной Петровной меня уговаривали. В конце концов я сделал единственное, что оставалось в такой ситуации: лег на пол, застучал ногами и заорал:

— Нет! Нет! Нет!

Кричал и думал: мне можно. Я же детдомовский. И у меня дебилность.

Галина Петровна именно так ведьме и объясняла, охая и поднимая меня с пола:

— Ой, простите, пожалуйста! Извините, ради бога! Я его из детдома взяла, он на голову тоже нездоров!

Лицо ведьмы-экстрасенски сменилось на жалостливое, она зачем-то перекрестила меня несколько раз и посмотрела на Галину Петровну как на мученицу.

Я успокоился только тогда, когда мы ушли из этой квартиры.

— Почему ты себя так ведешь?

— Я здоров. Зачем мне это? Она сама сказала, что я здоров.

Тогда Галина Петровна закричала на всю улицу:

— Ты не здоров! — И еще раз, но уже почти по слогам: — Ты! Не! Здо! Ров!

На следующий день она вернула меня в батор. Напоследок я украл у нее мобильник, потому что обещал старшакам что-нибудь из техники. Она обвинила меня в воровстве, и мои вещи обыскали, но к тому моменту мобильник я уже успел отдать Цапе.

* * *

В баторе был свой священник. Когда он приезжал, ему нужно было признаваться во всем плохом, что сделал. Воспиталка заставляла признаваться всех, кроме Чингиза и Эльмиры. Про них она говорила:

— Им не нужно, у них другая культура, а вы должны каяться в грехах, потому что вы — русские.

Чингиз, услышав это, спросил потом у воспиталки во время обеда:

— А можно я буду есть говядину вместо свинины?

— Жри, что дают, — отрезала та.

Я не признавался во всех грехах, а называл только те, что говорили и все остальные.

— Я матом ругаюсь... — бубнил я, стоя перед какой-то книгой — ее держал в руках отец Андрей. — И еще... Э-э-э...

Воспиталка находилась здесь же, неподалеку, и подсказывала:

— Телефон у Галины Петровны кто украл?!

— Не я.

— Ты! Ты! Еще и врет! Вот и говори теперь: «Я вру».

Я промолчал, подняв взгляд на священника. Он с нескрываемым сочувствием посмотрел в ответ, мягко закрыл книгу и сказал мне:

— Ну все, все... Можешь идти.

Я ушел, а на мое место встал Гоша и сказал:

— Я матом ругаюсь...

Через пару недель я попал к отцу Андрею и его жене в гости. Они усыновили кучу детей — человек шестнадцать, кажется. Такой у них был образ жизни. Я был не против стать их семнадцатым ребенком, даже если придется каждый день признаваться во всем плохом — зато дома.

Его жену звали матушка Светлана. Все должны были называть ее матушкой, даже те, у кого вообще-то есть своя мама. Они жили в деревянном домике недалеко от батора. Первую ночь я провел на полу — на самодельном матрасе, выложенном из одеял, но мне понравилось. Они сказали, что если я захочу остаться в их семье, то они, конечно, купят мне собственную кровать.

Утром я познакомился с Сашей — это их дочь. Она оказалась ближе всех мне по возрасту: мне было одиннадцать, а ей — тринадцать. Она была похожа на мальчика: коротко-стриженная и в одежде не по размеру — видимо, донашивала за старшими братьями.

После завтрака мы с Сашей играли во дворе, ели малину прямо с куста и брызгались из шланга. Потом она сказала:

— Давай поиграем в бутылочку.

А я сказал:

— Давай. На что?

— На желания.

— Давай на поцелуи.

У нас в баторе старшие всегда играли на поцелуи или раздевания с девчонками. А если они не хотели, то иногда силой уводили в туалет и там доигрывали.

Саша тоже начала отказываться:

— Я не хочу целоваться.

А я начал торговаться, потому что хотел:

— Давай поцелуемся, а я тебе за это дам телефон.

Их родители были против гаджетов.

На самом деле я просто не знал, когда у меня еще будет шанс поцеловать девчонку. Я же не крутой, как Цапа или Баха, и я не смогу никого утянуть в туалет, когда стану старше.

— Ага, — хмыкнула Саша. — Не дашь...

— Дам, — пообещал я, вытащив свой телефон и показав его.

— Это же «Нокия», — отмахнулась Саша. — Он старый.

— Но у тебя-то никакого нет, — справедливо заметил я. — А тут есть игра в «Змейку».

Вздохнув, вяло оглянувшись по сторонам, она все-таки согласилась:

— Ладно, давай... Но только быстро.

Я приблизился к ее лицу и прижался своими губами к ее. Она тут же отстранилась, но мне показалось, что получилось слишком коротко, не как настоящий поцелуй, поэтому я еще раз прижался к ней губами, но тут уже нас прервал грозный крик отца Андрея:

— Вы что там делаете!

Саша, отпрянув от меня, затараторила:

— Папа, я тут ни при чем, это он просил, я не хотела, я ничего не делала!

— Ничего не делала?! Да я тебя щас!..

Отец Андрей побежал обратно в дом за ремнем, а Саша — прятаться за сараем. Только я стоял на месте и смотрел на эту беготню как на эпизод из «Деревни дураков» — когда мы были маленькими, нам иногда включали эту передачу в баторе. Просто клоуны — столько шума из-за какого-то поцелуя.

Вечером я слышал, как отец Андрей и матушка Светлана говорили между собой обо мне. Матушка шипела на мужа:

— Кого ты привел в дом? Что ты вообще о нем знаешь?

Отец Андрей отвечал тихо, я не слышал.

— Ты видел его личное дело? Как можно кого попало приводить? А если он ее заразил?

— Он не заразный, — услышал я ответ отца Андрея.

— Ты с чего это взял? Это тебе не шутки! Завтра же своди Сашу на анализы!

На следующий день они вернули меня в батор. Я не стал их семнадцатым ребенком, зато телефон остался при мне.

* * *

Я учился в коррекционном классе, потому что был дебилом. Я с трех лет знал, как звучит мой диагноз: «Умственная отсталость легкой степени». Мне объяснили, что это значит: в будущем я смогу жить самостоятельно и ухаживать за собой, но выучиться у меня получится только на сантехника или маляра.

Светлана Сидоровна преподавала нам математику: рассказывала, как складывать и отнимать цифры. Она всегда говорила мне, что я хорошо считаю, прямо как нормальный. Я это часто слышал и от других учителей, так что порой задумывался: может, произошла какая-то ошибка и меня случайно определили к дебилам?

Светлана Сидоровна была получше многих учителей: добрая и смотрела всегда так участливо. Говорила: «Жаль, я старая, а так бы всех вас и усыновила!» Ей было лет под семьдесят.

Как-то я дежурил и задержался в классе, чтобы вытереть доску, а она сидела за учительским столом и водила взглядом за каждым моим движением. Потом вдруг попросила остановиться.

Сказала:

— Оставь, потом вытрешь. Возьми стул, присядь лучше рядом.

Я послушно отложил тряпку, взял стул от первой парты и сел сбоку от ее стола. Она посмотрела на меня уставшим тяжелым взглядом. Я почувствовал неловкость и поежился.

— Ты знаешь, почему тебя не могут усыновить?

— Нет, — ответил я, хотя догадывался.

— У тебя ВИЧ.

— Ага, — только и произнес я.

Светлана Сидоровна тяжело вздохнула:

— Они не понимают, что ты не чумной и не заразный, что это ерунда...

— Ага, — снова сказал я.

— Может, если кто-то придет усыновлять, попробуешь сам это объяснить, раньше администрации?

— Что объяснить?

— Про ВИЧ.

— Не знаю.

— Как это не знаешь?

Но я упорно повторил:

— Не знаю.

Она сказала:

— Ладно, иди, — и добавила недовольно: — Не знает он...

Ночью я много думал о том, что случилось за последнее время и сколько раз меня могли забрать, но так и не забирала. Наверное, Светлана Сидоровна была права. Взрослые переставали со мной общаться после того, как воспиталки показывали им мои документы и мою медицинскую карту. Наверное, лучше всего будет говорить родителям, что все написанное там — неправда. Я ведь не чувствую себя больным, а болезнь — это когда что-то болит.

Я уснул под утро, и мне приснился сон, что Светлана Сидоровна — моя мама и что она заставляет меня вернуться в батер.

«Фу! — говорила она во сне. — Уходи отсюда! Ты заразный! Ты пугаешь меня! Пугаешь собой и своим ВИЧ!»

* * *

Однажды в батор приезжали психологи-волонтеры и читали нам лекции про какую-то там безопасность. Помню видеоролик: девочку лет пяти прямо с улицы похищает страшный бородатый мужчина, похожий на старика. Старшаки тогда хихикнули: «Педофил!» Психологи нам сказали с такими не водиться и, если кто-то страшный и бородатый позовет с собой, не ходить.

Толик не был ни страшным, ни бородатым, ни даже старым. Ему было лет тридцать, он много улыбался и добродушно смотрел из-под бликующих очков. Кроме того, он не был злым похитителем с улицы, он пришел с самыми лучшими намерениями — усыновить ребенка. И воспиталка про него сказала, что он Анатолий Дмитриевич. Это он сам про себя говорил, что он Толик. Потом уже. У него дома.

Он взял меня в гости. Я решил не говорить ему, что у меня ВИЧ, чтобы он не передумал забирать меня к себе.

Но мой путь в его семью начался не очень хорошо. Когда мы вышли за территорию батора, Толик перестал так много улыбаться и почти ничего не говорил.

У него была своя машина. Я хотел занять одно из задних сидений, потому что знал, что так полагается детям, но он велел мне сесть рядом с ним — вперед. Я послушался, потому что детям еще полагается слушаться.

Ехали мы в тишине. То есть совсем не разговаривали, только радио пело — «Бара-бара бере-бере».

Толик сделал потише и только тогда сказал:
— Новый хит. Бред какой-то.